ПРИЗВАНИЕ РЮРИКА
ПОСАДНИК ВАДИМ
ПРОТИВ КНЯЗЯ-СОКОЛА
Василий СЕДУГИН

Русь изначальная

Василий Седугин

Призвание Рюрика. Посадник Вадим против Князя-Сокола

«Яуза»
2013

Седугин В. И.

Призвание Рюрика. Посадник Вадим против Князя-Сокола / В. И. Седугин — «Яуза», 2013 — (Русь изначальная)

НОВЫЙ роман от автора бестселлеров «Князь Рюрик» и «Князь Игорь»! Исторический боевик о великом переломе, предопределившем будущее Русской Земли на многие столетия.Призвание Рюрика не обошлось без смуты и крови – против него поднял мятеж новгородский посадник Вадим, не желавший уступать власть и не признавший Князя-Сокола законным наследником престола. Почему «честно́й муж» и отважный боец, заслуживший почетное прозвище Вадим Храбрый, оказался дурным посадником, перессорившим новгородцев и настроившим против себя полгорода? По чьей вине династический спор перерос в жестокую смуту? Кто был прав в этой беспощадной схватке? И отчего за власть и великое будущее всегда приходится платить большой кровью?..

© Седугин В. И., 2013
© Яуза, 2013

Содержание

I 5
II 12
III 15
IV 28
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Василий Седугин
Призвание Рюрика. Посадник Вадим против Князя-Сокола

Славене сидели около озера Илмеря, прозвалися своим именем и сделали град и нарекли его Новгород.
Лаврентьевская летопись

863 год. Того ж лета оскорбишася новгородцы, глаголющее, яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того ж лета уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби новгородцев съветников его.
Новгородская 1-я. 16

I

Масленица, по обычаю, начиналась с воскресенья. Первыми изгнание ненавистной зимы-Мораны начинали дети, которые вставали с проблесками утренней зори, высыпали на улицу и принимались строить снежные горки. Наиболее бойкие из них, выучив со слов своей бабки стародавний причет к боярыне Масленице, кричали на всю округу:

– Душа ль ты моя Масленица, перепелиные косточки, медовые твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай к нам в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Уж ты ль, моя Масленица, касаточка, ласточка, ты же моя перепелочка! Прибывай в тесовый дом душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться!

В ту долгую зиму Вадим почти никуда не выходил, а все время проводил с отцом в кузнице. Работы подвалило невпроворот: кому подкову изготовить да коня подковать, кому лемех или сошник выделать, а другие хотели получить изделия по мелочи: ножи, стамески, долота, шкворни, штыри… Работа силовая, все больше молотом колотить да клещами тяжести тащить, ухайдакаешься за день так, что не только пойти на гулянье, а как добраться до дома силы бы нашлись.

Но вот, вволю отоспавшись, вышел он в первый день масленичного гулянья на улицу. Погода выдалась под стать празднику, на чисто-голубом небе ярко светило солнышко, ослепительно блестел снег, легкий морозец сковал проталины. Вадим удовлетворенно щурился, с наслаждением глотал прохладный свежий воздух. Не верилось, что целых две недели будет свободен от работы, что можно, не спрашивая разрешения у отца, пойти куда захочется. От всего этого – и от наступившего праздника, и от морозного утра, и от нежданно свалившейся свободы – у него легонько кружилась голова.

Увидел кучкой стоявших друзей, направился к ним. Подойдя поближе, удивился, какими они стали маленькими и хиленькими. И что с ними такое стряслось?

Друзья повернули к нему головы, послышались удивленные возгласы:

– Это Вадим, что ли, идет?

– Да его не узнать! Во вымахал!

– За зиму такой здоровенный стал!

Смущаясь, Вадим протягивал тяжелую руку с толстыми негнущимися пальцами, боясь пожать худенькие, тонкие ладони сверстников. Пробасил:

– Здорово, братцы. Ну что, на санках пойдем кататься?

– Какое катание? Да ты санки-то раздавишь, медведь такой!

Вадим огляделся, удивленно хмыкнул:

– И правда, ваши санки мне не подходят. Не умещусь в них!

– Новые покупай.

Рядом мужичок, у него санки на любой вкус.

– Сколько просишь? – обратился к нему Вадим.

– Зря, наверно, торгуешься! Монеты нужны!

– Скуем! Дело нехитрое, – улыбнулся Вадим. – Я же кузнец!

– Ну коли так, по две ногаты[1] штука. Выбирай!

Вадим сунул мужичишке мелочь, ухватился за веревочку, которая была привязана к санкам.

– А теперь на берег Волхова!

Всей ватагой двинулись вдоль улицы. А из изб румяные, с утра хмельные молодушки зазывали:

– Зайдите, съешьте по блинчику, со сметаной, маслицем и медом!

– Блинчик круглый, что солнышко! Поторопите светило, чтобы прогнало стужу постылую!

Мимо промчались сани с разнаряженными цветными лентами конями и развеселыми седоками, начавшими праздновать с самого утра:

– Гей, честной народ, освободи дорогу! Семья Вавулы гуляет!

На берегу Волхова столпотворение, высыпала, кажется, вся молодежь Новгорода. С криками восторга, визгом и смехом скатываются с высокой кручи на речной простор, покрытый льдом и снегом. Вадим пристроился на санках, оттолкнулся ногами:

– Помчались, милые!

Навстречу упругий морозный ветер, колючая снежная пыль, а санки несутся так быстро, что дух захватывает. Кто-то поднимался на гору, оказался на пути.

– Эй-эй-эй! – только и успел крикнуть Вадим, как врезался в санки, послышался треск, перед глазами закружилось, завертелось, глаза закрыла белая муть.

Встал, стер с лица снежную пелену, огляделся. На него смотрели испуганные девичьи глаза, пухлые губки шевелились, он услышал робкий голосок:

– Ух, страху нагнал, медведь неуклюжий…

Вадим с удивлением смотрел на девушку. Одета она была в шубенку из овчины, на голове пуховой платок, на ногах – валенки; а лицо круглое, с курносым веснушчатым носом и синими глазками. Раньше к девчонкам относился он почти равнодушно. Считал их аккуратными, спокойными и прилежными существами, которые осуждали их, ребят, за шалости и озорство. А сейчас вдруг почувствовал в груди теплоту и нежность, ему захотелось прокатиться вместе с ней. И он предложил:

– А давай спустимся вместе!

Она некоторое время колебалась, испытующе глядя ему в глаза, потом кивнула:

– А что ж, можно и вместе!

Он поставил ее санки впереди своих, сжал их ногами, девушку взял за плечи, и они кинулись в снежную пропасть. В лицо ему бил воздушный вихрь, а в груди его пело и ликовало, он испытывал сладкое упоение.

Когда санки остановились, Вадим некоторое время восторженно глядел на девушку. Ему хотелось взять ее, маленькую, хрупкую, в свои могучие руки и унести на самый верх… Он потоптался, несмело улыбнулся и, прихватив санки, попёр на кручу; она еле успевала за ним. Снова понеслись вниз, а потом снова и снова… Он узнал, что зовут ее Любавой и что она часто бывает на берегу Волхова. Расстались, договорившись завтра встретиться вновь.

---

[1] Ногата – самая маленькая монета на Руси.

После обеда народ стал собираться на главной площади города. Предстояла всеобщая потеха – кулачный бой. Бились между собой улицы ремесленные и торговые. Так повелось с незапамятных времен. Участвовали в сражениях все желающие – от мальчишек до зрелых мужиков. Бились отчаянно и самозабвенно, как если бы сражались против неприятельских войск. Дрались по определенным правилам: нельзя было наносить удары ниже пояса и ногами, а также применять «заложки» – деревянные или железные штуки в рукавицах; если кого-то ловили, били смертным боем как чужие, так и свои, а потом с позором выгоняли из круга.

Вадим подошел к сверстникам, подросткам пятнадцати-шестнадцати лет, вместе с которыми дрался в прошлый год. Но сегодня он был встречен ропотом:

– Тебе нельзя среди нас!

– Вон какой вырос, иди к старшим!

– Погляди на себя: ты – мужик!

Он смущенно повел плечами, сгорбившись, отошел в сторонку.

Бой начали мальчишки. Вот один из них встал в боевую стойку и стал задиристо потряхивать кулачками, вызывая на бой сверстников. Ждать пришлось недолго. Почти тотчас из противной стороны к нему выбежал юркий мальчишка, они схватились, закрутились на месте, нанося друг другу частые удары. К ним кинулись их товарищи, кулачный бой закипел на большом пространстве.

Долго не было перевеса ни на одной стороне. Но постепенно торговые стали теснить своих соперников. Когда преобладание стало явным, в схватку вмешались подростки; мальчишки при их появлении разбежались в разные стороны.

Но и подростки сражались недолго. Охваченные азартом, к ним с обеих сторон рванулись мужики. Закипел настоящий кулачный бой. Мелькали кулаки, летели шапки, слышались громкие выкрики, но все звуки перекрывали дробные удары, будто молотило множество цепей. Толпа бьющихся мужчин колебалась то в одну, то в другую сторону, из нее порой выходили бойцы с окровавленными лицами и порванной одеждой, жадно хватали снег, умывались, засовывали в рот и вновь кидались в кучу. Вокруг стояли зрители, в основном женщины и малышня, охали и ахали, поддерживали криками своих, уводили в сторону пострадавших, вытирали кровь, давали глотнуть хмельного.

Но вот торговые стали теснить ремесленных. Напрасно мастеровые, чуть отойдя, кружковались, собирали силы и вновь кидались на противника; те встречали их плотной стеной, отбивали нападение и вновь упорно и настойчиво продвигались вперед. Уже оставлена позади площадь, сражение переместилось на одну из улиц, что было позором для ремесленной стороны.

Это видел и Вадим. Он никак не мог определиться, когда ему вмешаться в сражение. Со сверстниками, понятно, нельзя, а взрослые для него были недосягаемой высотой… Он отступал вместе с другими зрителями, и азарт и злость все больше охватывали его. Ему казалось, что бьются мужики сегодня плохо, что он мог бы драться по-настоящему. Вот ремесленные совсем прекратили сражение и медленно, молча, позорно отступали, не решаясь на новую схватку. В какой-то момент кровь ударила в голову, мутя сознание, и Вадим, не помня себя, растолкал людей и кинулся навстречу бойцам торговой стороны. Первого он сбил с одного удара, второй сумел устоять, но напасть не смел и замер в нерешительности: это Вадим увидел мельком, в мгновение оценив, что он не опасен для него, и тотчас повернулся к двум, нападавшим слева. Те перли со всей силой и яростью, но он увернулся от их ударов и одного двинул под дых, второго ткнул в скулу. Оба кувыркнулись в снег. Тогда на него хлынула вся стена противника, но на помощь уже подошли свои. И тогда, чувствуя поддержку с обеих сторон, Вадим стал бить тяжелыми кулаками по головам и телам попадавших ему на пути мужиков, прорубая себе коридор в толпе торговых. Его несколько раз сильно били в разные места. Он чувствовал эти

удары, но не ощущал боли, а только, сжав толстые губы и набычив крепкий выпуклый лоб, упрямо ступал и ступал вперед…

Наконец он увидел перед собой пустоту. Остановился, огляделся. Торговцы отошли от него, и вся стена их медленно пятилась назад. Вадим вдруг почувствовал, что устал. Он оглянулся на своих, сказал спекшимися губами:

– Ну что, отдохнем?

Такие перерывы в кулачном бою делались часто, поэтому его предложение тотчас поддержали:

– Надо, надо… Выдохлись совсем.

В кулачном бою обе стороны – непримиримые противники, а в промежутки между схватками – почти приятели. Сходились, хлопали друг друга по плечам, спинам, толкали в грудь, хвалили:

– Ну ты крепко стоял!..

– Ты меня так хватил, небо с овчинку показалось!

Окружили Вадима, восхищенно глядели на него, возвышавшегося над всеми чуть ли не на голову. Говорили с неподдельным восторгом:

– Умеет драться, чертяка!

– Быка ударом свалит!

– Против него не устоять!

Вадим молчал, вытирая пот с лица. Он был немного смущен и растерян от успешного боя и похвалы. Ему даже не верилось, что с ним такое случилось.

После короткого отдыха сошлись вновь. Но теперь картина стала совсем другой. Перед Вадимом противная сторона отступала, редкий из бойцов выходил против него и, сраженный, отползал в сторонку; другие бились в стороне, а он шел вперед, заставляя пятиться всю стенку. Миновали площадь, вошли в улицу торговой стороны. Тогда на помощь пришли дружинники князя, кинулись на Вадима. Дюжие воины сумели сбить его с ног, перешагнули через него и погнали ремесленников опять на площадь. Там и закончился кулачный бой в первый день Масленицы.

Вадим стал знаменитостью в Новгороде. Его наперебой звали в гости, предлагали самые вкусные блюда, наливали вина и пива. Однако он хмельного не любил, из вежливости выпивал несколько глотков, а на еду налегал. Аппетит у него был на зависть одним и на удивление другим. Сытый и довольный, вернулся вечером домой.

На другой день снова отправился с санками на берег Волхова. На пути встретились три девицы, одетые очень богато: в песцовых и соболиных полушубках, шапках, и сапожках из мягкой кожи, отделанных тесьмой и полосками яркой ткани. Он сразу догадался, что они или из боярских, или из купеческих семей.

– Кого мы видим! – с восторгом произнесла одна из них, самая красивая. – Это идет Вадим, лучший боец города!

– Скажи нам, Вадим, – обратилась к нему другая, – как тебе удается управляться с такими крепкими драчунами?

Поскольку Вадим молчал и только смущенно улыбался, третья сделала предположение:

– Потому что он самый сильный в нашем городе!

Девушки переглянулись между собой, явно потешаясь над застенчивостью парня. Они были старше и опытнее, им нравилось подшучивать и разыгрывать его.

– С кем ты собираешься кататься с горки? Со своей девушкой?

Вадим вспомнил Любаву, но ответил:

– Нет, один.

– Может, возьмешь нас с собой?

– Да я разве против?

– Девушки, выходит, он нас приглашает на горку! – весело проговорила самая красивая. – Не будем отказываться?

– Не будем, не будем, – защебетали две другие.

Они отправились на берег Волхова. Вадим вышагивал, очень довольный собой. Еще бы, он привлек внимание самих боярышень!

На краю берега девушка, которую, как услышал из разговора, звали Велижаной, сказала задорно:

– Чур, я первая поеду с Вадимом!

Она уселась на санки спереди, он сзади. От ее волос, волной спадавших на спину, исходил дурманящий запах, плечики, которые он обхватил своими ручищами, были узкими и трогательно беззащитными, от умиления у него замирало сердце.

– Ну что, поехали? – спросил он.

– Помчались! – задорно выкрикнула она.

Он оттолкнулся ногами, и они ринулись с крутизны, подпрыгивая на неровностях и набирая все большую и большую скорость. «Схватить ее в охапку, свалиться в снег и покувыркаться в свое удовольствие!» – мелькнула шальная мысль, но он тут же оставил ее. Это не с ровесницами с улицы, все-таки рядом сидела боярышня!

Когда санки остановились, Велижана вскочила первой и радостно засмеялась, глядя на него синими лучистыми глазами.

– Ни с кем я так быстро не ездила! Повторим еще раз? – сказала она.

Он молча кивнул.

Натешившись, пошли на улицу. Народу было много, большинство находилось под хмельком, они пели, плясали, веселились. Вадим рядом с девушкой почувствовал себя сразу повзрослевшим, зрелым человеком. Кем он недавно был? Так, сопливый мальчишка, на которого никто не обращал внимания. А теперь идет с боярышней, от которой, наверно, многие парни сходят с ума. А вот он ей нравится, и она с ним провела целых полдня! В то же время он видел, что она старше и опытнее его, многое в ее поведении он не понимал, и это его настораживало и даже немножко страшило: вдруг она что-то выкинет такое, неожиданное и поставит его, Вадима, в смешное положение? А может, он делает что-то не так, и она втихомолку смеется над ним?.. Он с опаской посматривал на нее, но ничего подозрительного в ее поведении не замечал. Решил: будь что будет, семь бед, один ответ!

Они шли и разговаривали о пустяках, а потом Велижана спросила, лукаво взглянув на него:

– У тебя, наверно, много девушек, Вадим?

– Почему так думаешь? – чувствуя какой-то подвох, в свою очередь задал он вопрос.

– Ты такой видный парень, первый боец в Новгороде! Высокий, красивый, сильный!

– Ну и что? – смущенно ответил он. – У меня никого нет.

– Как? Неужели ты ни с кем не встречался?

– Только с тобой…

– Врешь поди!

– Я правду говорю! – искренне сказал он. И столько было простоты и непосредственности в его взгляде, что она поверила. Некоторое время задумчиво смотрела куда-то вдаль, потом тихо поманила его к себе:

– Наклонись, я что-то важное скажу.

Он нагнулся, и она чмокнула его в щеку, а потом засмеялась и побежала прочь. Ошарашенный, он остался стоять на месте. На щеке горел ее поцелуй, и сладостное чувство разливалось по всему телу. Ему хотелось повторения такого небывалого наслаждения, и он уже готов был кинуться вслед за ней, как к нему подбежали насколько парней с криком:

– Так вот он где скрывается! А там торговые наших уже в улицу загнали!

Он глянул на Велижану. Она стояла вдали и, смеясь, смотрела на него. Теперь она казалась ему еще красивей, от нее исходило необыкновенное сияние. Он было рванулся к ней, но дюжина цепких рук ухватила его и потащила к месту кулачного боя…

А потом его снова нарасхват зазывали в гости. Он пытался отказываться, но это не помогало. Каждый считал за честь попотчевать знатного бойца, выпить за его здоровье, посидеть рядом. Ему хотелось вырваться и уйти к Велижане, он искал ее взглядом, но ее нигде не было.

Не нашел он ее на другой день и на берегу Волхова. Походил, походил, потом махнул рукой и стал кататься один. Подумаешь, красотуля, одна, что ли, такая? Вон сколько девушек, и все смотрят на него с обожанием. Приглашай к себе в санки любую, с удовольствием пойдут! И Вадим поманил первую попавшуюся, которая приглянулась ему. И та, не колеблясь, стала кататься с ним. Как-то, спустившись с горы, встретился с Любавой. Ему приятно было видеть ее, и он спросил, ласково заглядывая в глаза:

– Любава, где ты пропадала? Я обыскался, думал, куда-то уехала!

– Не очень-то старался! – набычившись, отвечала она. – Вон вокруг тебя сколько девиц крутится, и ты не брезгуешь ими!

– Мало ли с кем катаюсь! А ты разве одна проводила время? Тоже парни крутятся! Но я всегда о тебе помнил!

– А ты не обманываешь? – смягчившись, спросила она.

– Ни в коем случае! – горячо проговорил он. – Я тебя искал по всему берегу, но ты как сквозь землю провалилась!

– Ну ладно уж, – сдалась она наконец. – Пойдем кататься!

Когда спускались в третий раз, в самом конце пути санки замедлили бег, он созоровал: свалился вместе с Любавой в снег. Они несколько раз перевернулись, а потом он, уловив момент, поцеловал ее в щечку. Она вскочила, как ужаленная, расширенными глазами смотрела на него, гневно выкрикнула:

– Как ты смел?

Потом вдруг поутихла, медленно двинулась наверх. Он поплелся следом, посмеиваясь про себя.

Скатились с горы еще пару раз. И вдруг Вадим заметил, что Любава стала посматривать на него как-то извиняюще, искательно и словно выжидая чего-то. Он некоторое время колебался, а потом, когда поднимались в гору, наклонился и снова поцеловал в щечку. Лицо ее вспыхнуло, она доверчиво прижалась к нему. Так они стояли некоторое время, а потом снова зашагали, боясь взглянуть друг на друга…

После обеда опять кулачный бой, обильные угощения. В одном доме настойчивый хозяин приневолил Вадима выпить с ним целый бокал вина. У него закружилась голова, а потом вдруг стало легко и радостно, окружающие начали казаться такими близкими и родными, что хотелось всех обнять и расцеловать. Рядом с ним возникла молодая красивая женщина. Она ласково глядела призывными голубыми глазами и шептала жарко и страстно:

– Вадим, голубь мой ненаглядный! Сокрушил ты мое сердечко. Позови, куда угодно пойду за тобой…

Он видел, что она была пьяна, чувствовал, что ласки ее притворны и обманны, что, наверно, недавно она дарила их другому мужчине, а завтра будет удостаивать знаками внимания еще кого-нибудь. Он оттолкнул ее и, пошатываясь, двинулся к выходу, но она увязалась за ним, в темных сенях приникла к нему и поцеловала жаркими горячими губами. Он весь задрожал, схватил ее в свои объятия и стал целовать и губы, и щеки… Не помнил, сколько продолжалось это сумасшествие, но потом вдруг вырвался и бросился бежать на улицу…

Опомнившись, остановился, огляделся вокруг, а потом зашагал к дому. В его разгоряченном мозгу метались покаянные мысли, он клял себя и свое поведение, называл его дурным и предосудительным. Он много слышал о любви, его сверстники и окружение часто говорили

о ней, из рассказов знал, какое это большое и глубокое чувство, ждал, что оно придет к нему. А вот на поверку оказалось, что он мелкий и недостойный человек: сначала увлекся Любавой, потом влюбился в Велижану, сегодня он снова вернулся к Любаве и вдруг стал целоваться с совсем незнакомой женщиной. «Я их одинаково сильно люблю, – признавался он себе. – Они все мне нравятся, каждая по душе. Выходит я никчемный, никудышный человек, пустой и ветреный гуляка!» Нет, хватит. Завтра он запрется дома и никуда не пойдет. Ему достаточно этих бесшабашных дней. Он снова вернется к прежней размеренной жизни, будет стучать в кузнице, вместе с отцом обслуживать заказчиков.

Он проспал до полудня. Только принялся за еду, как явились друзья и просто незнакомые люди и стали звать на площадь, где собирались мужчины на очередной кулачный бой. Отказываться было бесполезно, теперь без его участия они теряли всякую привлекательность. Ему пришлось уступить, и он снова бился, вызывая восхищение у многочисленных зрителей и поклонников. А потом его так же водили из дома в дом, не зная, куда посадить и чем угостить…

II

Миновали масленичные дни, Вадим вернулся в кузницу, взялся за молот. Работы снова было невпроворот, он возвращался домой усталый, ужинал и ложился спать, не помышляя о гулянках.

Однажды в кузницу явился известный в Новгороде купец Азар. Невысокий, поджарый, с короткой бородкой и лихо закрученными усами, он по-хозяйски прошелся по кузнице, уютно устроился на чурбаке напротив наковальни и стал наблюдать за работой кузнецов. Отец и сын умело расправлялись с подковой. Вадим бил кувалдой, Дубун постукивал молоточком, иногда подносил ее поближе к глазам, внимательно рассматривал, как видно, замечал какие-то недоработки, клал изделие на наковальню, и снова раздавался согласованный стук.

Наконец подкова брошена в воду, инструменты на рабочий стол. Дубун подошел к купцу, пожал руку, произнес густым басом:

– Будь здоров, Азар.

И – сыну:

– Неси отвар.

Вадим поставил на стол чугунок, глиняные бокалы, присел на скамейку рядом с отцом. Торговец разглядывал их, улыбался. Были они удивительно похожи друг на друга. Оба здоровенные, широкоплечие, с тяжелыми руками, в толстых негнущихся пальцах объемистые бокалы казались игрушечными. И в лицах было сходство: крутолобые, носы горбинкой, глаза голубые, смелые и строгие.

Раньше Дубун был первым бойцом в кулачных сражениях, теперь сын занял его место.

– Как работается, много ли заказов? – вежливо начал разговор купец.

– Слава богам, не жалуемся, – не торопясь отвечал Дубун.

– Изделия ваши хвалят в округе, это я слышал. Только вот что-то кузница неважнецкая, старенькая уже.

– Да, подумываю новую ставить. Эта отслужила свое.

– Средств понадобится много…

– А ты что, хочешь помочь? – хитровато и с усмешкой спросил Дубун, зная скупость и прижимистость торгашей.

Азар кашлянул, стал пить отвар. Сменил разговор:

– У тебя, кажись, еще двое сыновей?

– Есть такие! – с гордостью ответил отец. – И кузнечному делу обучены!

– И где же они?

– С промысловой ватагой ушли на реку Онегу добывать пушнину. Прибыльное дело.

Купец подумал, кивнул в знак согласия, произнес:

– Коли повезет, больше, чем в кузнице, заработать могут.

– Надеюсь.

– Когда должны вернуться?

– Зимний сезон закончился. На днях ожидаю.

Наступило долгое молчание. Азар маленькими глотками потягивал отвар, кузнецы пили жадно и много: горячая работа требовала большого количества жидкости.

Наконец купец произнес задумчиво:

– Есть еще более выгодная работа…

Дубун вылил из чугунка остатки себе в бокал, задал вопрос:

– Это какая же?

– В дальнее плавание с купеческим судном сходить.

– Опасное дело…

– Опасное. И море бывает сердитым, а главное, много сейчас морских разбойников развелось, нападают и грабят почем зря. Викингами зовут себя. И кого только нет на морских просторах! И норманнские, и славянские, и финские викинги. А то и просто маленькие князьки, ярлы различные, и графы, и герцоги шныряют в поисках добычи. Туго приходится нашему брату, купцу.

Дубун кинул на него цепкий взгляд, чуть помедлив, спросил:

– Это что, ты к Вадиму, что ли, примериваешься?

– К нему. Набираю на свое судно крепких парней.

Дубун откинулся назад, проговорил жестко:

– Не пущу.

– Ты не слышал, какую цену заплачу.

– И какую?

– Впятеро большую, чем он в твоей кузнице зарабатывает.

Дубун на мгновение застыл, соображая. Глаза его при этом странно заблестели.

– Прикинь к тому же, что не каждого беру, а только по выбору. Потому и плата такая высокая.

Дубун искоса взглянул на купца, спросил:

– Не обманешь?

– Как можно!

Кузнец допил отвар, обратился к сыну:

– Ты как на это?

– Как скажешь, батя.

– Как скажу… Предложение-то заманчивое!

– Ну раз так, то я – согласен.

– Вот и ладненько, вот и сговорились! Ну что, по рукам? – радостно проговорил купец.

Дубун еще немного подумал, потом хлопнул крепкой, как железо, ладонью по белой ладони Азара. «Ударить по рукам» – означало заключить сделку; возврата назад уже не было.

– Договор следует обмыть, не так ли? – Дубун вынул из-под стола сумку, в которой оказался кувшин с вином, хлеб и копченый окорок. Кузнецы сняли фартуки, помыли руки, чинно уселись за стол.

– И когда отплытие? – спросил Дубун.

– Не раньше как через месяц, – отвечал Азар, разливая в бокалы вино; Вадим в это время резал на куски окорок и хлеб. – Тоже жду промысловую партию с севера, не знаю, с чем вернутся.

– Ну не с пустыми руками, – солидно заметил Дубун.

– Надеюсь. Только за последние годы доход резко упал. Батюшка наш, князь Гостомысл, тяжелую руку наложил на промысловое дело. До него в казну мы со ста шкурок отдавали пять, а теперь он требует все десять. Это надо же: в два раза сборы увеличились! Дерет, как с иноземных торговцев!

– Дружинников своих в кольчуги и панцири одел, – мимоходом заметил Вадим.

– Плевать мне на его дружину! – вспылил Азар. – Мне моя прибыль важнее! Были у нас в Новгороде князья – и Избор, и Владимир, и Столпосвят, и Бравлин, и Буривой, а так купцов не обирали!

В сердцах Азар одним махом выпил весь бокал вина, стал закусывать, часто-часто жуя и чавкая.

– Недолго ему осталось править, – раздумчиво проговорил кузнец. – Годков-то вон сколько!..

– Еще бы! – вскинулся Азар. – За восемьдесят перевалило. Куда больше!

– И никого из сыновей не осталось. Все погибли в боях или от болезней умерли.

– Четверых имел, – подтвердил купец. – Первый, Выбором звали, очень смышленым был, говорят. В схватке с норманнами погиб.

– А норманнов Гостомысл отвадил от наших земель. Скольких побил! Теперь боятся к нам нос сунуть.

– И не только норманнов, – добавил Вадим. – Даже хазар разгромил!

– Славная была победа, – подтвердил Азар. – Только двух сыновей он в той битве потерял. Не осталось у него наследников. Умрет Гостомысл – и прервется княжеский род Славена.

– Как же мы без князя жить-то будем? – испуганно спросил Вадим.

– Как, как… Очень просто. Соберем вече и изберем себе посадника, – проговорил Азар. – Найдем разумного человека, который бы наши чаяния понимал и нас слушался.

– Тогда жди боярского и купеческого правления, – упершись взглядом в стол, убежденно проговорил Дубун. – Тогда и сбор в казну с их доходов уменьшится.

– Конечно! Всяк на себя одеяло тянет! А ты как думал?

– Вече-то народное! У народа и власть должна быть!

– Ишь чего захотел! Это когда же было такое, чтобы страной народ правил? Вид делается, выборы разные. А власть всегда достается нашему брату, который побогаче! Так было раньше, так сегодня, так будет всегда!

Долго они еще толковали о разных делах, пока не прикончили вино в кувшине.

III

В середине мая торговое судно купца Азара отчалило от новгородской пристани. По Волхову шли ходко, несло течение да подгонял попутный южный ветер. Вадим зачарованно смотрел на берега, и порой ему казалось, что не судно плывет, а плавно движутся мимо него дремучие леса, просторные луга с пасущимися на них коровами, овцами и козами, редкие деревеньки; приложив ко лбу ладонь, провожали взглядом детвора и взрослые и, как ему казалось, завидовали им, отправившимся в дальние страны. Вадиму не терпелось приплыть, как говорилось в сказках, «в тридевятое царство, в тридесятое государство». Что-то там его ждет?..

Азар набрал на судно десять человек, все молодые, здоровенные, отчаянные, проверенные по кулачным боям. Знакомиться было не нужно, моряки знали друг друга. Красавец Оляпко, покачивая широкими плечами, подошел к Вадиму, стукнул его в плечо кулачищем, проговорил восхищенно:

– Ну ты и драчун! Влепил мне в скулу, я еле очухался!

– Ты тоже мне хороший подарок преподнес! – отвечал Вадим. – Только искры из глаз посыпались. Думал, не устою.

– Но ведь устоял! – не удержался от похвалы другой боец, по имени Ломир. – А я вот после твоего удара зуба лишился, говорю и посвистываю на смех людям.

– В общем, будет у нас что вспоминать во время плавания! – заключил Оляпко.

Миновали Ладожское озеро и реку Неву и вышли в открытое море. Вадим взошел на нос судна и поразился мощи и необъятности морского простора. Задувал свежий ветер, волны с белыми барашками обгоняли корабль, он наклонялся из стороны в сторону, почти касаясь нижней реей воды, и порой казалось, что вот-вот опрокинется и утащит всех за собой в морскую глубину. Но судно выпрямилось и продолжало мчаться вдаль, подпрыгивая на волнах. Низкое небо опускалось в море совсем близко, кажется еще немного проплыть – и окажешься на краю света. Однако сколько ни плыви, этот край оставался на одном и том же расстоянии, не удаляясь и не приближаясь.

От качки у него голова стала как чугунная, потянуло в сон. Он перешел на середину судна, там меньше качало. Азар заметил его бледное лицо, спросил:

– Тошнит?

– Нет. Спать хочется.

– Повезло. Некоторых наизнанку выворачивает, а у тебя морская болезнь проявляется по-другому: ко сну тянет. Приляг пока. Когда понадобишься – разбудим.

Вадим лег на деревянный настил, застеленный тряпьем. Думал, сразу уснет. Но его начало толкать с разных сторон: то переворачивало с бока на бок, то вдруг подбрасывало вверх, а потом он летел в бездну, на какие-то мгновения становился невесомым и сладко замирало сердце… Промучившись некоторое время, все же забылся зыбким, неспокойным сном.

Сколько спал, не помнил. Разбудил его голос Азара:

– Выходи на смену. Пусть ребята отдохнут. С парусом работать не можешь, поэтому занимай место на носу да смотри в оба. Как объявится какой-нибудь корабль, извещай криком. Место проходим опасное, слева и справа близко берега разбойники шалят.

Однако конец дня и ночь прошли спокойно. Под утро его сменили, и он ушел спать. Разбудили громкие голоса, беготня по деревянному настилу. Он поднялся, подошел к морякам, стоявшим возле борта.

– Что случилось? – спросил он Оляпку.

– Какой-то корабль идет навстречу, – ответил тот. – Хозяин приказал надеть военное снаряжение и быть готовым к бою.

И – верно: все были в кольчугах и панцирях, опоясаны мечами. Вадим последовал их примеру, после чего встал возле борта и стал наблюдать.

Неизвестное судно было уже довольно близко, можно было разглядеть его строение, а по нему определить назначение – военное, купеческое или разбойничье.

– Торговая посудина, – презрительно сказал кто-то. – Видишь, какой пузатый и сидит глубоко. А военные корабли узкие, длинные, поэтому и быстроходные. Этот еле плетется.

– Вижу стяг на мачте! – выкрикнул впередсмотрящий. – На нем изображен крест. Это судно датского купца!

– Ты не ошибся? – спросил его Азар. – Точно датское?

– Точней не бывает!

– Как хорошо! – радостно проговорил Ломир. – Можно сбросить железо и остаться в рубашке. Приятно чувствовать, как тебя обдувает морским ветерком!

– Никаких раздеваний! – тотчас прокричал Азар. – Всем оставаться на местах и готовиться к бою!

– Ты чего, хозяин? – удивился Оляпко. – Это же обыкновенный торгаш, чего его бояться?

– А мы не бежать от него собираемся, а, наоборот, возьмем на меч!

– Как же так, хозяин! Разве мы разбойники?

– Разбойники не разбойники, а злейших врагов – датчан – я никогда и нигде не пропускаю мимо! Знаете, сколько они наших кораблей потопили? Так что никаких разговоров. Приготовьте багры, веревки с кошками, идем на сближение!

Вадим некоторое время оторопело смотрел на Азара, недоумевая: неужели этот славный купец – разбойник? Значит, и он тоже, заодно с ним, не кто иной, как обыкновенный злодей, отнимающий с помощью оружия чужое добро!.. Но делать нечего, надо было подчиняться.

Следует заметить, что таково было то время. Не только на море, но и на суше кто мог, занимался грабежом. Грабеж являлся прибыльным и почетным делом. Нападали и забирали чужую собственность не только разбойники и пираты, но и вооруженные люди, владельцы больших и малых земель; больше всех страдали купцы, но некоторые из них при благоприятных условиях тоже превращались в обыкновенных головорезов, не брезговавших никакими средствами для захвата чужого имущества.

Между тем корабли сближались. Впередсмотрящий выкрикнул:

– Датчане подняли на мачту щит! Показывают, что у них мирные намерения. Что будем делать, хозяин?

– Да ничего, – насмешливо ответил купец. – Мало ли чего им придет в голову. Мы будем поступать по-своему.

– Датчанин меняет направление! Видно, хочет уйти!

– Поздно. Никуда он от нас не денется! Править на вражеский корабль! – приказал Азар рулевому.

Вот уже можно хорошо разглядеть людей, их лица. Датчане растеряны, они так суетятся, что трудно сосчитать, но кажется, их не более пяти-шести человек. В последний момент удалось избежать прямого столкновения. Полетели крюки, пошли в ход багры. Послышался треск дерева, суда остановились впритык друг к другу. Вадима будто кто-то подтолкнул, он легко перескочил через борта и кинулся на стоявшего недалеко датчанина. Тот был невысок, но крепок телом. Он закрылся шитом и поверх него следил пристальным взглядом. Вадим рубанул мечом, щит противника треснул, сам он покачнулся, но устоял на ногах. Второй удар пришелся по голове, которую защищал плоский шлем. Кровь брызнула в лицо, но Вадим этого не заметил и напал на второго датчанина, который защищался от Оляпки, ткнул его мечом в бок…

Перевес в силе сделал свое дело, судно было захвачено.

– Бросайте тела в воду! – распоряжался Азар. – Перегружайте товар, а судно поджигайте, чтобы не оставалось никаких следов!

Датчанин вез на продажу всевозможные товары: аметистовые и гранатовые броши, костяные расчески, серебряные зеркала, медные кастрюли, саксонскую золотую вышивку. «Всем этим Азар с лихвой окупит все расходы на свою охрану, – думал Вадим, перекидывая мешки с товаром. – Теперь сколько бы ни наторговал, обязательно будет с прибылью!»

Азар приказал взять направление на юг. Позади долго еще виден был столб дыма от горевшего датского корабля. Поглотит море его останки, и никто никогда не узнает, как погиб купец со своими людьми…

На третий день плавания показалась крепость с раскинувшимися вокруг нее посадами.

– Колобжег, портовый город славянского племени поморян, – сказал Азар. – Основан в глубокой древности, название его означает «околобережье». Богатый рынок, из каких только стран не встретишь здесь купцов!

С трудом нашли свободное место у причала, закрепили корабль, по накатанной дороге стали подниматься в гору. Перед ними открылся вид на крепостные стены и башню. Сооружены они были из толстых дубовых бревен, покоились на высоком валу. Через глубокий ров был переброшен мост, который вел к высокой каменной башне с деревянными, обитыми железными листами воротами. Через них вошли в город с тесными улочками и деревянными одноэтажными домами и теремами, внешне очень похожими на новгородские. Это и неудивительно, ведь несколько веков назад славене пришли на озеро Ильмень отсюда, с южного побережья Балтийского моря. У них и культура общая, и язык схожий; недаром славянские племена долго их считали чужаками на новой родине…

Новгородцы стали медленно проходить по торговым рядам. Чего только здесь не было! Местные купцы торговали мясом, рыбой, медом, снедью, различной утварью, изделиями ремесленников; византийцы предлагали великолепные ткани и благовония, у хазар в большом количестве лежали шелка и восточные пряности: гвоздика, корица, перец, горчица; перед новгородцами высились кипы драгоценной пушнины; западные торговцы разложили оружие…

Вадим задержался возле ножей, его привлекли красивые ручки, они были сделаны и из разноцветных колец, и из искусно обработанной козлиной ножки, и из какого-то коричневого с прожилками дерева…

Постоял, вздохнул с сожалением: у него не было таких денег. Тронулся дальше. Сзади услышал женский голос:

– Что, молодец, аль не по душе мой товар?

Оглянулся. Оказывается, ножами и другим скобяным товаром торговала молодая женщина с красивыми озорными глазами. Она, подбоченившись, задорно смотрела на него. У нее был ладный стан, нежные очертания лица, сочные губы.

Он искоса взглянул на нее. Застенчиво улыбнулся, ответил:

– Как не по душе! Прекрасные ножи. Только…

– Что – только? Не по карману? Давай торговаться. Такому видному молодцу продам и в половину цены.

Ее лучистый взгляд приковывал, звал к себе, и Вадим против своей воли вернулся к ней, исподлобья смотрел на нее, испытывая ни с чем не сравнимое наслаждение.

– И откуда же ты заявился? – сузив большие глаза и наклонив головку на бочок, спрашивала она.

– С Ильменя мы… нижегородские, – внезапно охрипшим голосом ответил он.

– И все у вас на Ильмене такие?

– Какие – такие?

– Высокие и красивые, настоящие богатыри!

– Скажешь тоже, – в смущении пробормотал Вадим и побрел вдоль ряда. Сзади услышал веселый, но не обидный для себя смех.

Его нагнал Азар.

– Вот молодость! – вздохнул он. – Парой слов перекинулись, взглядами обменялись и – любовь! Как тут не позавидовать!

– Какая любовь? – искренне удивился Вадим. – Мы просто поговорили и разошлись.

– Будто я не видел! В нашем возрасте глаз становится очень наблюдательным и понимающим по женской части. Влюбилась в тебя молодица, уж поверь мне. И наверняка какая-нибудь одинокая, незамужняя.

– Откуда тебе известно?

– А я по глазам определяю. Чутье тут мужское работает, понял? Повзрослеешь, узнаешь.

Вадим пожал плечами, ничего не ответил.

– А что? – продолжал Азар. – Она молода, красива, а главное – богата. И любовь между вами…

Вадим вспомнил своих новгородских девушек, вздохнул непритворно:

– Какая любовь? На любовь я неспособен.

– Это почему?

И Вадим поведал ему, как он в одно и то же время влюбился сразу в трех девушек, а потом легко забыл их.

– Выходит, я просто не могу испытывать настоящей любви, какая бывает у всех людей.

Азар весело рассмеялся.

– Не любовь у тебя была, а увлечение. Настоящей любви ты еще не знал. Как придет она к тебе, покой потеряешь и ни о чем другом, кроме своей ненаглядной, думать не сможешь! Вот я влюблялся! Разум терял! Готов был ходить за девушкой, как верная собачонка, ноги целовать…

– Нет, я для такой любви не рожден, – уныло проговорил Вадим.

Азар хитровато взглянул на него, но ничего не сказал.

Они подошли к пятистенному дому, Азар постучал в дверь. На крыльцо вышла пожилая женщина, аккуратно одетая, с приятным лицом, всплеснула руками:

– Ой, кого я вижу! Сам новгородский купец пожаловал! Сколько лет, сколько зим!

– Неправда, Казимира, я полгода назад снимал у тебя дом. Неужели забыла?

– Как забыть? А сказала так, потому что соскучилась по добропорядочным, услужливым и веселым людям. Снова на постой?

– А с чем я еще могу прийти к тебе? Примешь нас, морских бродяг?

– Как не принять? Дом пустой. Только я да муж остались. Младшую месяц назад замуж выдала, дом молодоженам поставила. Так что живут отдельно.

– Как же! Помню, помню твою красавицу, сколько раз у меня на коленях играла. Как быстро дети растут!

– Старые старятся, молодые растут. Вся жизнь в этом. Ну, проходи, угощу с дороги. В печи шти мясные готовятся, вместе и пообедаем.

– Как-нибудь потом. Товар надо на место определить да к торговле приступать.

– И сарай, и амбар пусты, занимай.

Они отправились на пристань. Подходя к рынку, Вадим еще издали увидел ту женщину. Стоял пасмурный день, рынок был в тени, но Вадиму показалось, что из-за туч упали на нее солнечные лучи, и она, единственная среди людской толпы, стояла светлая, озаренная. Это было так необычно и поразительно, что он не мог оторвать от нее взгляда. Вадим взглянул на Азара, подумав, что, может, и он видит такое чудо, но тот спокойно шел рядом. «Это мне кажется», – наконец догадался он, и на сердце у него вдруг стало сладко и тревожно.

Вечером Оляпко пригласил Вадима с собой в хоровод. Вадим сначала хотел отказаться, но потом подумал, что может встретить торговку с рынка, и согласился.

Оляпка был забавным парнем. Обладая огромной силой, он был спокойным и покладистым человеком. Ему было все хорошо, он всегда всем был доволен, никогда не жаловался на еду, засыпал, едва щека касалась подушки, не обижался на шутки товарищей, ни с кем не ссорился и со всеми был в добрых отношениях. Они сошлись как-то легко и незаметно, старались быть рядом друг с другом.

Хороводы в Колобжеге собирали молодежь нескольких домов. На улицу выносились скамейки, в руках некоторых парней и девушек оказывались гусли, свирели, бубны, и начиналось веселье. Пелись песни, затевались пляски. Веселье продолжалось, как правило, до полуночи, после чего участники разбредались, кто домой, а кто по укромным местечкам.

К одному из таких хороводов подошли Вадим и Оляпко, встали в сторонке. На них украдкой, но с явной заинтересованностью стали посматривать девушки, зато тотчас насупились парни, кидая косые, ревнивые взгляды. Привычная картина, когда в хоровод приходили чужаки.

Торговки в хороводе не было, и Вадим сразу потерял к нему всякий интерес. Сказал другу:

– Пройдусь по городу. Ты со мной?

– А что так?

– Поищу свою зазнобу.

– А-а-а… Я останусь. Девчонка одна приглянулась.

– Смотри, как бы парни тебе не накостыляли!

– Небось!

Вадим обошел все хороводы. Город был небольшой, дома, как и в Новгороде, стояли в беспорядке, тесно друг к другу, между ними вились кривые улочки, по которым еле-еле телеге проехать. Той, которую он искал, нигде не было. «Да ее и не могло быть, – пришла запоздалая догадка. – Хороводятся шестнадцати-семнадцатилетние, редко кто чуть старше. А торговке наверняка больше двадцати лет!»

Потом пришла совсем ошеломляющая мысль, от которой холодок охватил грудь: может, она замужем? Да, наверняка замужем, так свободно и смело может вести себя только замужняя женщина, но не девушка!

Вконец расстроенный, вернулся к тому хороводу, где оставил своего друга. Издали заметил какое-то непривычное движение. Догадался, кинулся вперед. Парни полуокружили Оляпку и теснили вдоль улицы. Ах, все на одного? Сейчас узнаете, как дерутся новгородские бойцы!

Ворвался в середину, стал раздавать удары направо и налево. Рядом кулаками работал Оляпко. От их ударов парни валились, как снопы. Остальные разбежались кто куда.

Разгоряченные схваткой, возвращались в дом.

– Завтра пойдешь? – спросил Вадим.

– Обязательно. Девушка понравилась. Мне кажется, и я ей тоже.

– Я – с тобой.

– Спасибо. Думаю, они больше не сунутся.

– Могут с соседних улиц позвать.

– Могут. Только для них это будет совсем позорно.

Но все обошлось благополучно. Парни признали силу и умение драться новгородцев, пошли на мир и приняли их в свой хоровод. Оляпко стал провожать девушку, и никто не пытался ему помешать.

Вадим рвался на рынок, но Азар поставил его на целый день охранять корабль. На утро ему было поручено подносить товар на торжище. Выполнив задание, Вадим направился к заветному месту. Он увидел ее издали и не мог оторвать взгляда. Остановился, прислонился к дереву, стал глядеть на нее. Видеть ее было для него неизъяснимым наслаждением. Так бы и глядел, не отрываясь. Вот она повернулась к соседу, что-то сказала. Они оба засмеялись. У

нее залучились глаза, она стала еще красивей. Потом присела на стульчик, расправила складки платья, поправила волосы. И тут он заметил, что у нее было две косы. Девушки-славянки носили одну косу, а замужние – две. Значит, у нее была семья, а он приперся и глазеет на нее, как дурак. Вадим уже хотел повернуться и уйти, как она повернула голову и встретилась с ним взглядом. У нее застыла улыбка на губах, а глаза потемнели, лицо стало серьезным и озабоченным. Она отвернулась, потом снова искоса стала смотреть на него. А он понимал, что поступает очень глупо, что надо уйти, иначе станешь посмешищем и не только перед ней, а может, и перед всеми окружающими, но не было сил, ноги будто приросли к земле, она будто захватила его властной рукой за грудь и держала возле себя.

И вдруг женщина улыбнулась, открыто, приветливо. И Вадим, совершенно не думая о том, правильно ли, глупо ли поступает, направился к ней. Остановился напротив, не сводя с нее глаз. Наверно, у него был нелепый вид, потому что она прыснула, но потом спохватилась, прикрыла рот ладошкой и стала исподлобья с интересом и любопытством смотреть на него.

Некоторое время они молчали. Наконец она спросила лукаво:

– Наверно, занял у кого-то денег и пришел приобрести один из моих ножей? Покупай, не ошибешься. Все равно на всем рынке лучших не найдешь!

Он судорожно сглотнул, только кадык задвигался вверх-вниз, но ничего не ответил.

– Но ладно, – продолжала она, – мы решим так. Ты выбираешь приглянувшийся нож, а заплатишь потом. Я тебе верю. Договорились?

Вадим кивнул головой.

– Какой же ты, однако, словоохотливый! Прямо слова не даешь мне сказать! – весело проговорила она. – Мне бы такого зазывалу, я сразу распродала бы свой товар! Может, пойдешь ко мне в помощники?

– Пойду, – разлепил он губы.

– О, да ты и разговаривать умеешь? – шутливо удивилась она. – Тогда становись рядом, будем торговать.

Он занял место возле нее. Торговцы бросили свое дело, наблюдали за ними. Пожилой мужчина, продававший одежду, сказал весело:

– Олислава, какой славный у тебя помощник!

– С таким напарником можно остаться и на ночь торговать! – поддержал тот, у кого было разложено оружие.

Вадим чувствовал себя неловко, он понимал нелепость своего поведения, но ничего не мог поделать с собой: так хорошо было находиться рядом с ней! Он видел ее высокую грудь, заметил, как от волнения раздувались лепестки маленького прямого носика, ему нравились ее густые, немного волнистые волосы. И вдруг его взгляд упал на ее косы, он нахмурился, проговорил глухо:

– Я, пожалуй, пойду.

– Почему? Соседи смутили? Не обращай внимания, это они от скуки скалятся. Пройдет чуточек времени, отвернутся и забудут.

– Да нет. Муж может заявиться.

– Чей муж? – быстро спросила она, глянув ему в глаза.

– Твой.

– А ты боишься?

– Нет. Просто неприятно…

Она рассмеялась. Смех ее легкий, будто ручеек журчит.

– А ты, оказывается, совестливый… Ну так и быть. Нет у меня мужа. Был муж, да вот не стало. Ушел в море с товаром и не вернулся.

«Может, мы его и утопили, – холодея внутри, подумал Вадим. – Но нет, то был датский корабль. Так что к его гибели мы не имеем никакого отношения».

Она отвернулась от него и стала разговаривать с соседями, как видно, давая ему возможность успокоиться и освоиться на непривычном месте.

Вдруг прибежал Оляпко, мельком взглянул на Олиславу, зашептал торопливо:

– Ты чего тут задерживаешься? Азар ищет. Пойдем, а то ругаться начнет.

Азар совершил выгодную сделку, надо было донести товар до дома покупателя. Потом посыпались другие поручения. Освободился Вадим только к вечеру. Олислава уже укладывалась. Он помог ей покидать остатки вещей на телегу, она взяла вожжи, и они тронулись.

– Легкая у тебя рука, – говорила она, изредка кидая на него ласковые взгляды. – Не успел встать в торговый ряд, как налетели покупатели. Сроду такой торговли не было.

– Так я же ушел…

– Ну и что? Почин положил, а это самое главное в нашем деле. Даже соседи заметили, велели приглашать. Завтра придешь?

– Приду.

– А от хозяина крепко попало?

– Нет. Он у нас требовательный, но справедливый.

Так, разговаривая, доехали до дома Олиславы. Он был довольно большим, в маленьких окнах вставлена слюда, что тогда считалось редкостью, и показывала степень зажиточности, стекло позволяли себе только князья и бояре, да богатые купцы.

Они сгрузили товар в подвал, она стала прощаться.

– Иди, а то хозяин хватится.

– Очень я ему нужен. Он уже, наверно, поужинал, спать собирается.

– Я бы тебя пригласила перекусить, да у самой нет ничего.

– Как же ты собираешься вечерять?

– Много ли одной надо?

Наступила долгая пауза. Наконец он спросил:

– А давно муж погиб?

– Два года назад. Набрал товара взаймы на целое судно, думал с большой прибылью вернуться, обещал, что заживем богато, завидовать будут. А вот как получилось. Почти нищей оставил да еще с долгами. Перебиваюсь мелкой торговлишкой, чтобы как-то концы с концами свести…

– А известно, как он погиб?

– Нет. Через три дня после его отплытия ураган пронесся. Наверно, он его и прихватил где-то в море… Ну ладно, иди, а то темнеть начинает.

Он шел и думал о том, что вот поговорил с ней немного, узнал о ее бедах, и стала она ему еще ближе, еще дороже. Считал Олиславу богатой, а она, оказывается, перемогается с хлеба на квас. С каких доходов сумеет выплатить такой большой долг? На ложках, ножах и другой утвари много не наторгуешь. Чем ей можно помочь? Были бы у него богатства, не раздумывая положил к ее ногам…

Ночью снилось что-то светлое, неясное, расплывчатое, но он знал, что виделась она, Олислава, только вот разглядеть ее не мог. Утром сердце билось сладко и тревожно, это беспокоящее чувство не проходило, оно заставляло его постоянно думать о встрече с ней. Ему хотелось сделать ей что-то приятное, чтобы она забыла о своих горестях, порадовалась, улыбнулась. Но что придумать? Денег у него на дорогой подарок не было, жалованье Азар выдаст не скоро, как расторгуется, раньше не жди. На заем у товарищей рассчитывать нечего, не от хорошей жизни согласились на дальнее и опасное плавание.

И тут в голову Вадима пришла неожиданная мысль: цветы! Надо ей подарить цветы! Слышал он, что так поступают влюбленные, даже удивлялся, зачем они это делают. А теперь сердцем почувствовал, что цветы будут ей приятны, доставят удовольствие.

Он дождался, когда откроются городские ворота, и вышел в луга. Тут было разливанное море цветов! И ромашки, и колокольчики, и васильки, и одуванчики… Он быстро собрал букет и отправился на рынок. Увидев его с цветами, Олислава на мгновение замерла, глаза ее увлажнились, она бережно приняла букет и прижала к груди, не спуская с Вадима растроганного взгляда.

– Спасибо, – только и сказала она…

Зато соседи толковали это событие довольно бурно:

– О, раз цветы, значит, дело налаживается!

– Олислава, молодой человек у твоих ног!

– Будем ждать скорой свадьбы!

И тут Вадима полоснула мысль, что он не против бы жениться на Олиславе. Лишь бы она согласилась! Он уже взрослый, он сможет содержать ее – или кузнечным ремеслом, или бороздя моря наемником у купцов. Много ли им надо? Проживут не хуже других!

От этой мысли у него просветлело лицо, и он, не скрываясь, стал глядеть на нее влюбленными глазами. Заметив это, Олислава непроизвольно качнулась к нему и на мгновенье прижалась щекой к его груди, а потом оттолкнула от себя и проговорила смущенно:

– Да ну тебя! Вскружил голову совсем!

Соседи встретили ее слова дружным смехом.

День Вадим провел как в тумане, делал все машинально, бессознательно, непроизвольно, а в мыслях была только она, Олислава…

Вечером он проводил ее до дома, помог разгрузиться, а потом она пригласила его к себе. При свете вечернего солнца разглядел избу. Она была просторной, чистой. В углу была сложена печка, у окна стоял искусной работы стол, возле входа помещалась широкая кровать, застеленная красочным покрывалом, на стене висело небольшое деревянное изображение Перуна. По всему было видно, что недавно здесь жили роскошно и богато, но прежнее благополучие ушло в прошлое.

Олислава метнулась к печи, огнивом разожгла заранее приготовленные ветки, подогрела чугунки. Еда была скромной: пареная репа, отварная селедка, хлеб и настой из шиповника. Впрочем, Вадим был непривередлив, мел все подряд.

После ужина вышли на прогулку. Стоял тихий вечер. Солнце садилось в море, от него почти до самой пристани пролегала красная дорожка. Олислава была задумчивой, хмурила лоб. Наконец спросила:

– Вот ты со мной… А знаешь, на сколько лет я тебя старше?

– Нет. А сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Только? Разница со мной три года.

– Все равно ты еще молодой.

– Просто ты замужем побывала, вот и кажется.

– Рассуждаешь как взрослый…

– Я уже взрослый!

– Ну-ну, не кипятись. У тебя были девушки? Ты с кем-нибудь дружил?

– Конечно. Целых три.

– И ты с ними целовался?

– Да.

– Тогда поцелуй меня.

Он наклонился и чмокнул ее в щечку. При этом сильно застеснялся.

Она повернулась к нему, взяла руками за шею, проговорила ласково:

– Глупенький ты мой, глупенький! Разве так целуются?

Она прикоснулась губами к его рту, и он невольно потянулся к ней, приглашая сделать нечто такое, чего он сам не понимал. От нежного покусывания у него запылали губы. Он впервые почувствовал сладостную до боли истому, растекавшуюся по всему телу, и еще теснее прижался к ней.

Когда она отстранилась от него, ему вновь захотелось повторить только что испытанное блаженство. Он обнял ее сильными ручищами и крепко прижал к себе, ища губами ее пылающие губы…

Целую неделю продолжалась эта чудесная сказка. Букеты цветов, смешные признания в любви, горящие, преданные взгляды. Они вдоволь наслаждались восторгом и ужасом влюбленности, легкомысленной потерей рассудка, которые переживает каждый влюбленный.

Как-то Вадим проговорился, что готов жениться на ней. Она спросила озабоченно:

– У тебя что, серьезные намерения насчет меня?

Он ответил, не задумываясь:

– Да.

– Ну и как ты представляешь это?

– Ты про что?

– Например, где будем жить – в Колобжеге или Новгороде?

– Конечно, в Новгороде.

– У тебя там свой дом?

– Нет. Остановимся у родителей.

– А сколько детей живет с твоими родителями?

– Двое старших сыновей и две сестры, они младше меня.

– А сколько комнат в избе?

– Одна, конечно.

– И мы влезем с тобой! Да еще дети у нас появятся…

Вадим озабоченно подергал себя за ухо. Ответил:

– Я как-то не подумал…

– Ну, вот то-то.

– Тогда… Тогда здесь останусь с тобой. В твоем доме будем жить.

– Скучать будешь по мамочке с папочкой…

– Буду, – честно признался он и добавил:

– Но как-нибудь справлюсь.

Она подумала, сказала:

– Ну вот, в моей жизни еще один труженик моря объявился. Уйдешь в плавание, а тут переживай за тебя…

– Могу и не ходить. Я с детства обучался кузнечному мастерству. Получу расчет у купца, куплю инструмент и открою свою кузницу.

Несколько дней они рассуждали о совместном будущем. Все уже привыкли видеть их рядом, перестали подшучивать, к их взаимоотношениям относились серьезно. Как-то Вадим разговорился с Оляпкой, спросил про Олиславу, нравится ли она ему. Он был его лучший друг, и хотелось, чтобы она ему понравилась.

Оляпко на похвалы не поскупился.

– По-моему, она самая красивая женщина в мире. Таких я больше не встречал.

– Правда? Ты не лукавишь? Может, просто хочешь мне подольстить?

– Нисколько. Как раз под твой характер. Умная, красивая, веселая. Ты знаешь, я ведь со своей девушкой перестал встречаться.

– Почему?

– Да спокойная она очень. И малоразговорчивая. Я мало говорю, и она молчит. Сидим, скучаем. Вот так поскучали несколько вечеров и разошлись. А тебе наверняка не скучно?

– Это верно! Она меня постоянно разными историями забавляет. Все время трещит, а мне приятно, молчу и слушаю.

– Значит, характерами подходите. Женись на ней! Только…

– Что – только?

– Боюсь, уйдет она от тебя.

– К кому?

– Ко мне.

– Отобьешь? Но мне ненавистна мысль, что тогда придется убить своего лучшего друга.

– Думаю, я в безопасности, – рассмеялся Оляпко. – Она смотрит только на тебя. И отчего тебе подвалило такое счастье? Глядеть не на что: хилой, кривоногий, косоротый…

– А если в тебя сейчас скамейка полетит нечаянно?

– Ну-ну, красавец, красавец! Ты это хочешь услышать?

– Кончай издеваться. И запомни, я люблю ее.

– Неужто любишь? А я бы ни за что не догадался. – Оляпко хлопнул Вадима по плечу. – Друг сердешный! Да у тебя это написано на лице!

Как-то Олислава пришла на рынок крайне озабоченной. На его расспросы ничего не отвечала, но вечером проговорилась:

– Купец ко мне сватается…

– Какой купец? – встрепенулся Вадим. Он привык к мысли, что они поженятся, и не допускал мысли о возможном сопернике.

– Из Волина. Есть такой большой город в земле лютичей.

– Он не знает, что мы встречаемся с тобой?

– Нет, конечно. Наведывался раньше изредка. Года полтора назад мы с ним познакомились…

– А почему ты мне о нем ничего не говорила?

– Зачем? Я не люблю его. Да и старше меня он раза в два. Седина уже пробивается в волосах…

– Прогони! Зачем он тебе нужен?

– Я гоню! Да вот родители…

– А что родители?

– Говорят, что он мои долги заплатит.

– Я заплачу! Буду работать в кузнице, и все отдадим!

– Ты даже не представляешь себе, какой долг мне оставил мой покойный муженек…

– Какой бы ни оставил! Расплатимся!

А на другой день, подходя к месту, где торговала Олислава, Вадим заметил, как к ней подошел дородный бородатый мужчина с двумя крепкими парнями, что-то стал говорить ей, а потом вынул и протянул ожерелье. Она, испуганно поглядывая то на мужчину, то на Вадима, стала отрицательно качать головой, как видно, отказываясь от подарка.

Кровь бросилась в лицо Вадима. Стиснув зубы, широкими шагами подошел к мужчине, спросил, растягивая слова:

– Что тебе нужно от моей девушки?

Мужчина полуобернулся, смерил Вадима высокомерным взглядом, спросил презрительно:

– А ты кто таков?

– Мы с ней скоро поженимся! – выпалил Вадим.

– Вот как! А по-моему, она за меня замуж выходит.

И – парням:

– Уберите его с глаз моих!

Те двинулись на Вадима. Почти не шелохнувшись, выверенными ударами под дых Вадим свалил обоих наземь, повернулся к бородатому:

– Так кто уйдет?

И тут произошло то, к чему он не был готов. Мужчина с быстротой, которую трудно было ожидать от такого полного человека, отскочил в сторону и громко закричал:

– Братцы! Волинцев бьют!

Тотчас из торговых рядов выскочило несколько человек и кинулось на Вадима. Он, медленно отступая, отбивал их удары, нескольких человек положил на траву, но число нападавших все прибывало. Подбежал Оляпко, стал громко призывать:

– Новгородцы! Чего смотрите! На помощь! Скорее!

Те не замедлили откликнуться. И вот уже на большом участке рынка развернулось настоящее кулачное сражение. Тут не шли стенка на стенку, как на Масленицу, а каждый бился в одиночку. Дрались неистово, с остервенением. Кровенили носы, выбивали зубы, кидали тела наземь. Скоро в драку втянулись те, которые просто хотели попробовать свою силу, потешить горячую кровь, у кого мутился разум при виде дерущихся людей. Торговцы, подхватывая товары, разбегались в разные стороны, и скоро рыночная площадь превратилась в побоище, в котором участвовало несколько десятков человек.

Трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы не вмешался князь поморян Сколон. Столь крупная драка была не в его интересах, потому что могла серьезно подорвать хорошее мнение о колобжегском рынке, уменьшить его доход с торговли. Он приказал дружинникам разогнать драчунов. Те не стали церемониться, начали безжалостно бить кого плетками, а кого мечами плашмя. Скоро порядок был наведен, площадь очистилась от людей, валялись только головные уборы, куртки, в азарте сброшенные с себя бойцами, да кое-где уползали побитые, у которых не было сил подняться.

Вадим с Оляпкой стояли рядом, отражая удары и защищая друг друга. Вокруг них валялось несколько человек. Они успевали отбивать удары с разных сторон, не давая возможности приблизиться к себе. Можно было уже торжествовать победу, как внезапно перед ними появился всадник, взмахнул плетью и резанул по спине Вадима. Тот недолго думая, стащил его с коня, на ходу ткнул кулаком в бок. Но тотчас на него налетели конные воины, накинули веревку с петлей, связали, скрутили, повели к князю.

– Кто таков? – спросил тот его, сверля суровым взглядом. Был князь уже в летах, седой, с морщинистым лицом, узловатыми пальцами, цепко державшими повод коня.

– Новгородец я, – ответил Вадим, соображая, как бы выбраться из трудного положения. Только сейчас понял, что ударил княжеского дружинника, а за это по головке не гладят хоть где, в любом царстве-государстве.

– Почему дерешься? Кто разрешил?

– Да сам не знаю, – прикинулся Вадим наивным человеком. – Шел по торговому ряду, а тут дерутся. Ну и меня кто-то ударил сзади, а я не люблю тех, кто со спины нападает, дал сдачи…

– Почему дружинника моего стукнул?

– Виноват, князь, не разобрал вгорячах. Думал, какой-то драчун…

– Крепко он его задел? – спросил князь своих воинов.

– Да вон лежит, не может отдышаться, – ответили ему.

– Здоровенный парень, мне бы в дружину такого. Пойдешь?

– А почему бы и нет? Собираюсь жениться, девушка из местных. Коли буду жить в Колобжеге, тогда и к тебе, князь, обязательно приду, – стал заливать Вадим.

Князь еще раз одобрительно оглядел могучую фигуру Вадима, приказал:

– Ладно. Отпустите его. Драка есть драка. Там сам черт не разберет, кто прав, а кто виноват.

Довольный, что все обошлось благополучно, вернулся Вадим домой. Но вечером его вызвал к себе купец Азар и стал говорить приглушенным шепотом:

– Чего ты натворил? Ты знаешь о том, что тебя собираются убить?

– Да нет же! – возражал он. – Я поговорил с князем, он отпустил меня. Что касается дружинника, тот встал и пошел своим ходом, так что все в порядке.

– Я не о том. Знаешь ли ты, с кем связался? Этот купец из славянского племени лютичей.

– Ну и что? Разогнали мы их, как котят. Кто против новгородцев устоит?

– Вот то-то и оно, что разогнали…

Купец пожевал сухими губами, продолжал:

– Лютичи славятся своей воинственностью. Недаром они называют себя лютичами, значит лютые воины. Но это бы ладно. Они еще славятся злопамятностью и мстительностью. Никогда обид не забывают, оскорблений не прощают.

– Никого я не оскорблял, о чем ты? Ну подрались, ну побили немного друг друга…

– Ты положил много их бойцов, и они собираются отомстить тебе. Мне сообщил верный человек, что между ними достигнута договоренность подстеречь тебя и убить. Так что бежать тебе надо из Колобжега, братец, да как можно скорее!

– Пусть грозят. Больно я их боюсь!

– Если бы они пошли в открытую, я бы с тобой согласился, им тебя не одолеть. Но они будут действовать исподтишка. Подкараулят где-нибудь одного, сунут нож под ребра – и поминай как звали! Мы же не можем тебя держать все время под охраной, у каждого свои дела. Подумай хорошенько.

Вадим прикинул: купец прав.

– Мне что, в Новгород возвращаться?

– Да нет, ни одного корабля на нашу родину не ожидается.

– Тогда что, прятаться дома? На это не согласен! Будь что будет, а мышиную жизнь вести не намерен!

– Я другое соображаю… Есть у меня хороший товарищ из поморских купцов. Давно познакомились, человек верный. Живет в одном дне езды от Колобжега. Есть такой городок, Красногорьем называется. Вроде небольшой сам по себе, а торговлишка там идет бойкая. Съезжаются туда со всей округи, даже из соседних стран наведываются. Зовет меня мой товарищ к себе, да я как-то все не мог собраться. Поезжай к нему! Соберу телегу разного товара, если продашь, то десятая часть выручки твоя. И получишь прилично, и от ножа убережешься. Погибнуть по-глупому дело нехитрое. Решайся!

Вадим уцепился за мысль: он может хорошо подзаработать! А Олиславе так нужны деньги!

– Хорошо, я согласен. Когда отправляться?

– Завтра. С восходом солнца и тронешься. Я сейчас прикажу погрузить товар, накормить коня. Ребята проводят за околицу.

Вадим тотчас отправился к Олиславе. Увидев его, она вскрикнула и кинулась на грудь.

– Жив, жив! А я уж всякое думала…

Он гладил ее по волосам, спине.

– Ну что ты, что ты, глупая. Как видишь, целехонек явился.

– Такая драка! Как полосовались! Как морды были! Я чуть со страху не умерла!

– Все обошлось! Жаль только, что этого купчишку не достал. А надо бы ему памятку на лице оставить, чтобы к чужим девушкам не приставал.

– Вот ведь вы, мужики, какие, злые иногда бываете! Ну ладно, садись, ужинать будем.

За столом он как бы между прочим сказал:

– Еду я завтра утром в Красногорье с купеческим товаром.

Она испуганно посмотрела на него.

– Одну оставляешь?

Он тотчас успокоил:

– Ненадолго. Зато хорошо подзаработаю. Купец отдает мне десятую долю выручки.

– Щедрый он у тебя! Обычно продавцам платят двадцатую часть.

– Так что не переживай, отдадим твой долг!

Когда он уходил, она прижалась к его груди и, смущенно заглядывая ему в глаза, прошептала тихо:

– Может, останешься, вместе проведем прощальную ночку?..

IV

Купец Клуд оказался сухоньким мужчиной лет пятидесяти с желтым, испитым лицом, но живыми глазами и цепким взглядом. Было заметно, что он прибаливал, и, как видно, давно. Встретил Вадима со всей сердечностью, долго расспрашивал про Азара, рассказывал, как встретились, как промышляли на разных рынках, как однажды вместе отправились в Византию, где едва уберегли от разорения.

– Таможенники там сущие черти! – сжимая сухой ручонкой бокал с вином, из которого за весь вечер выпил лишь пару глотков, говорил он с непонятным восторгом. – Обирают нашего брата, как липку. Грамотные, изворотливые, наглые! Как рыба налим в руках, извиваются, не ухватишь. А они тебя опутывают, охмуряют, только успевай поворачиваться. На что мы с Азаром бывалые торговцы, так еле концы с концами свели, так они нас порастрясли!

Рядом с ним сидела жена, на вид лет тридцати, полная, широколицая, с большими навыкате глазами. Она подставляла Вадиму блюда с огуречками, грибами, жареным мясом, соленой и копченой рыбой, говорила приветливо:

– Кушай, кушай, гостюшка дорогой! Мы от всей души…

Сначала она ничего не ела, следила за разговором мужчин, а потом поставила тарелку с мясом себе на высокие груди и принялась уписывать кусок за куском. Покончив с мясом, взялась за рыбу. Ела деловито и увлеченно, забыв обо всем.

Хозяин Вадиму понравился с первого взгляда. Несмотря на болезнь, оставался он доброжелательным и душевным человеком и, хотя у них была большая разница в летах, обращался к Вадиму с уважением и почтением. Он отвел ему отдельную горницу, а когда приехали на рынок, то потеснился и предоставил место рядом с собой, в центре торжища, где всегда было много народа.

Вадим никогда не торговал, поэтому не знал, с чего начинать. Он уселся перед своим товаром и стал ждать покупателей. Клуд некоторое время следил за ним, а потом начал наставлять:

– Так ты прождешь до вечера, и никто к тебе не подойдет. Надо зазывать покупателей. Но не каждого встречного-поперечного, а по выбору. Внимательно гляди на проходящих. Вон идет прощелыга, он ничего не купит, а пришел наверняка затем, чтобы стащить что плохо лежит. Его опасайся, чтобы чего не стибрил. А вон тот господин с тугим кошельком, поймай его взгляд и быстро соображай, что ему надо на рынке, может, такой товар у тебя найдется…

– А за чем этот господин пришел?

– Кафтан у него дорогой, штаны тоже, а сапоги изношены. Может, за ними явился? Нука позови!

– Да он уже далеко…

– Значит, надо быстро соображать и еще быстрее приглашать к себе!

В другой раз Клуд наставлял его по другому случаю. К Вадиму подошла какая-то богатая особа, привередливая и капризная. Стала без конца мерить одни сапожки за другими, башмаки за башмаками. Вадиму надоело подавать ей вещи, он не выдержал, сказал в сердцах:

– Ты что, придуриваться явилась? И это ей не нравится, и это не по ноге. Или покупай что-нибудь, или проваливай на все четыре стороны!

Покупательница обозвала его болваном и, презрительно хмыкнув, удалилась. Клуд тотчас стал ему выговаривать:

– Ты чего людей отпугиваешь? Разве можно так обращаться со своими покупателями?

– А чего она тут выпендривается? И то нехорошо, и это не подходит. Цаца какая! Хоть бы ножки были красивые, а то тощие, как палки, какая обувь подойдет! – продолжал кипятиться Вадим.

– Нет, нет, так не пойдет. Это не торговля, а баловство одно. Того обругал, другого послал. Так тебя скоро все за версту обходить будут.

– А как с такими? Ковриком стелиться?

– Ковриком не ковриком, это уж как получится, а только чтобы было им приятно с тобой побыть рядом, побеседовать, поделиться новостями. Ты заметил, сколько времени проводят возле меня некоторые покупатели? И про семью расскажут, и на мужа или жену пожалуются, и детей пожурят или похвалят. А я слушаю, сочувствую, да так, что они меня чуть ли не за родного признают. И в следующий раз за покупками идут не к кому-нибудь, а только ко мне. Тут, брат, не только мастерство, но и душу свою надо вкладывать!..

С трудом постигал Вадим премудрость торгового человека, но постепенно одолевал, и дело стронулось с места, товары у него стали разбирать. Между делом торговцы вели между собой неторопливые разговоры. Рядом с Вадимом оказался купец из Рерика, стольного города племени бодричей. Звали его Озмар. У этого поджарого, подвижного человека с худощавым лицом был умный взгляд голубых глаз, он с первого дня знакомства привлек Вадима трезвостью суждений и основательностью выводов.

Как-то Озмар стал рассказывать о своей родине.

– Беда пришла на нашу землю. Одолели саксы и даны. Сумели захватить в плен князя нашего Годолюба, на глазах жителей Рерика казнили. Столица была на краю гибели, да подоспела помощь твоих земляков, новгородцев во главе с князем вашим Гостомыслом. У Гостомысла за нашего князя была выдана дочь Умила, вот он и пришел на выручку своему зятю. Сумел этот мудрый правитель не только избавить нас от порабощения, но и помирил с вековыми врагами. Посадил он на престол внука своего, Рерика, и отправился восвояси…

– И столица называется Рерик, и княжич тоже. Почему?

– Рерик – это древнее название сокола. Сокол является племенным знаком бодричей. Мы – племя соколов! Соколом прозывается и наша столица, соколом назвал князь Годолюб своего сына, внука Гостомысла.

– И что же, Рерик правит вашей страной?

– Нет. Его сверг дядя, а с дядей расправились младшие сыновья Годолюба. Смута была большая на радость нашим врагам. А Рерик не вернулся на родину. Где-то скитается. Говорят, обосновался на острове Руян[2], стал славянским викингом. Бороздит моря и уничтожает суда саксов и данов.

– С великим уважением относятся мои соплеменники к новгородцам, – сказал как-то Озмар. – Трижды приходил Гостомысл в наши края, помогая в борьбе с супостатами. На деле доказал, что вышли мы из одного гнезда, из великого государства, называемого Русинией. Объединяла когда-то, много веков назад, эта страна и бодричей, и лютичей, и поморян, и славен, и все мы назывались русами.

– Да, наши деды тоже много рассказывают о Русинии, – подтвердил Вадим. – Они говорят, что после распада Русинии начались смуты, наше племя славен ушло на восток и обосновалось возле озера Ильмень. Но многие мои соотечественники продолжают именовать себя русами. На Новгородчине в честь прежней родины назвали они этим именем реки и местечки. У нас есть города Руса и старая Руса, селения Русье, Порусье, Околорусье, две реки по названию Русская, Руса есть на Волхове, Русыня – на Луге, Русская – в Приладожье, а Ильменское озеро раньше называлось Русским морем, вокруг него жители до сих называют себя русами…

– А знаешь, откуда пошло название страны – Русиния?

– Рассказывали деды предание о вождях славян Русе, Чехе и Ляхе.

– Да, живет такая легенда. Служили эти три брата в римских войсках, но были недовольны обращением властей и подняли восстание. Потом, боясь наказания за неповиновение,

[2] Ныне остров Рюген.

ушли они на север и образовали три государства: Чех основал Чехию, Лях создал Польшу, а Рус возглавил Русинию. Бодричи, словене, лютичи и поморяне входили в государство Русиния. Могучая была страна, никто не смел напасть на нас. Не то что сейчас, когда мы разобщены…

– Я поразился тому, что, приехав в Колобжег, услышал ту же речь, что и на Новгородчине. Как будто я тут родился! А ведь у нас много людей приезжает из соседних племен – кривичей, полян, вятичей, полочан, древлян, дреговичей. У них речь разительно отличается от нашей[3]!

Жил Вадим в Красногорье спокойно, пока не стал замечать на себе томные взгляды жены Клуда, Услады. Заподозрив неладное, стал избегать ее, но она настойчиво преследовала его, старалась то коснуться плечом, то прижаться бедром. Особенно нравилось ей поливать ему из ковша при умывании. Услада становилась вплотную к нему, Вадим чувствовал ее жаркое тело. Он догадывался, чего Услада хочет от него. Но она, толстая, потная, с колышущимися телесами, была противна ему. А главное, как он сможет после этого смотреть в глаза Клуду, принявшему его как родного сына, помогавшему ему словом и делом?..

Однажды ночью, когда уже засыпал, услышал он возню возле себя, потом почувствовал, как его обнимают горячие руки.

Он испуганно приподнялся, спросил:

– Что случилось?

– Тихо, тихо, – раздался горячий шепот. – Это я, Услада.

– Ночь на дворе, спать хочу. Уходи!

– Не гони! Совсем извелась от тоски по тебе…

Вдруг из комнаты, где спали супруги, раздался сонный голос Клуда:

– Услада, где ты? Куда подевалась?

Ее будто сдуло.

Опасаясь, что любвеобильная женщина явится к нему вновь, Вадим на ночь стал закрываться на крючок. Стучать она не посмела, потому что мог услышать муж. Но однажды, когда он возился со своим товаром в подвале, она незаметно подкралась, обняла и стала униженно просить:

– Ну миленький, ну приголубь разок…

Он оттолкнул ее, проговорил:

– Ищи себе забаву где-нибудь в другом месте!

Тогда она стала мстить ему. То шти пересолит, то вместо навара из трав подаст какое-то месиво, в рот не возьмешь. А раз, после дождя, стала кричать на него:

– Ходят всякие, грязищи наносят, телегами не вывезти! И когда только избавимся от таких нерях! Сил больше нет!

Вадим хотел уже уехать, не распродав до конца товара. Но случился удачный день, он сбыл все вещи и на другой день, поблагодарив хозяев, отправился в Колобжег.

Ему так не терпелось увидеть Олиславу, что он всю дорогу подгонял коня, совершенно измучив его. Миновав ворота, бросил телегу и бегом устремился к ее дому. Было уже темно, двери были закрыты. Тогда он стал стучать. На порог вышла незнакомая женщина, спросила:

– Тебе чего?

Вадим подумал, что Олислава наняла служанку, отстранил ее и попер в дом. Женщина всполошилась:

– Ахти, грабитель заявился! Ратуйте, люди!

В избе он увидел мужчину, стоявшего со свечой в руке. Тут опешил уже Вадим. Озадаченный, задал вопрос:

– Ты кто таков?

– Как кто? – ответил тот. – Хозяин дома.

---

[3] Вплоть до XIV века язык новгородцев отличался от языка восточных славян, он был ближе к польскому языку.

– А Олислава где?

– Олислава вышла замуж за купца и уехала в Волин.

– Врешь! – машинально проговорил Вадим, холодея внутри.

– С какой стати? Продала дом, собралась, и только мы ее видели.

Все еще не веря в происшедшее, он спросил:

– Когда это случилось?

– Неделю назад.

Вадим буркнул слова извинения и удалился. Он шел по городу, еле передвигая ноги. «Не дождалась, уехала, – металось в голове. – А я ей деньги привез, долг уплатить… Под солнцем сгорал, под дождями мок. Глупенький, зря старался. Купчик купил ее, деньгами совратил. Не устояла против соблазна, теперь, наверно, надо мной насмехаются. Еще бы! Куда моим заработкам по сравнению с богатством лютичского купца!»

Вадим сжимал в бессильной ярости кулаки, хотелось крушить все подряд, и он еле сдерживался.

Но потом, уже подходя к дому, где они обитали, его рассуждения вдруг повернулись совсем в другую сторону. Он вспомнил, как она сказала ему, что родители хотят отдать ее замуж, но она ни за что не пойдет за старого мужчину. «Олиславу насильно увезли из Колобжега! – озарила его новая мысль. – Связали и отправили под охраной! Сама она не могла решиться на такое, потому что любит меня! А дом продали родители!»

Это открытие привело его в сильное волнение. «Я должен ее спасти! Она заперта в купеческом тереме, как в крепости, ее не выпускают на волю! Бедненькая, томится она в своей светлице, глядит в окошечко и мечтает, когда я приду, освобожу ее и увезу с собой!»

Рассчитавшись за товар и получив хорошую плату, Вадим стал отпрашиваться у купца на неделю, чтобы побывать в Волине по своим делам. Азар не возражал: работы у моряков в Колобжеге было мало, охраняли судно, подносили товар на рынок или доставляли его покупателям, но в основном бездельничали, изнывая от скуки.

Вадим забежал к себе, стал собираться.

– Ты куда лыжи навострил? – спросил его Оляпко.

– В Волин.

Оляпко загорелся:

– Возьми меня с собой. Я здесь, кажется, скоро паутиной покроюсь. Хоть развеюсь немного.

Вадим приостановил сборы, присел на скамейку, серьезно взглянул на него:

– Еду по рискованному делу. Надо выручать из купеческого плена Олиславу.

– Ого! И ты хотел это проделать без меня, своего друга?

– Всякое может случиться. Ее насильно выдали замуж, держат взаперти. Сам понимаешь, охрана и прочее.

– По дороге расскажешь. А я мигом сбегаю к Азару, отпрошусь, и мы тронемся в путь!

От Колобжега до Волина – два дня пути. Город располагался на острове и в лучах вечернего солнца красиво выглядел на фоне бескрайнего моря. Перевозили к нему несколько лодок и небольшое судно. В ожидании их друзья присели на бережок, отдыхали после дальнего пути.

– Вот мы и на месте, – сказал Оляпко задумчиво. – Но ты подумал о том, как найти свою любимую?

– Войдем в город и отыщем, – беспечно ответил Вадим.

– Ты знаешь терем, в котором она содержится?

– Нет, конечно.

– Имя купца удосужился узнать?

– А зачем?

– Как – зачем? Как же ты найдешь его в городе, в котором проживает несколько тысяч человек?

Вадим насторожился:

– Как-то не подумал…

– Вот-вот, влюбленные всегда так: главное – обожать свою ненаглядную, а там хоть трава не расти.

– Обо мне так нельзя сказать. Вот прибыли издалека, чтобы освободить ее из рук похитителя.

– На это вы способны! А вот окажемся скоро в городе, с чего начнем поиски?

Вадим подумал, ответил:

– Будем спрашивать, какой купец недавно гулял свадьбу. Делают они с таким размахом, что весь город знает, и терем наверняка укажут.

– Однако ты иногда можешь соображать…

– Но-но! Я могу некоторых и в воду сбросить!

– Это мы еще посмотрим, кто кого!

Переправились в город. Волин был крупнейшим торговым центром на Балтике. Окруженный протяженной деревянной стеной с высокими башнями, он являл собой мощную крепость, в которой располагались терема бояр и купцов, а также дома дружинников и простых горожан. Вокруг крепости раскинулись обширные посады, населенные ремесленниками и мелкими торговцами. Возле пристани стояли десятки судов из разных стран.

Вадим договорился с женщиной о постое. Устраиваясь на новом месте, спросил как бы между прочим, не было ли недавно купеческой свадьбы.

– Была такая, – подтвердила она. – Недели две тому назад. Ох, богатая была свадьба! Полгорода, почитай, гуляло!

У Вадима болезненно сжалось сердце. «Рано радуешься, купец, – мстительно проговорил он про себя. – Я тебе такое устрою, что не раз пожалеешь средства, истраченные на торжество!»

Наутро друзья отправились к купеческому терему. Терем как терем, каких много вокруг. Двухъярусный, с крыльцом, накрытым покатой крышей, с резными окнами, закрытыми слюдой, сквозь которые невозможно увидеть, что творится внутри.

– Сидит, наверно, на скамеечке и поглядывает, бедная, на белый свет, тоскуя по свободе и любимому, – проговорил Оляпко, наслышавшись в пути рассказов Вадима о злой доле Олиславы. – Чует ли сердечко, что мы пришли освободить ее?

– Тихо ты! – предупредил его Вадим. – Охранник вон стоит у дверей, услышит, тогда нам несдобровать.

– Это верно.

Подошли к охраннику, стоявшему в полном боевом вооружении, в начищенном шлеме и панцире, блестевших на солнце, коричневом плаще, небрежно накинутом на плечи. Взгляд у него был отстраненным, отсутствующим, словно ничто его в мире никогда не волновало.

Поздоровавшись, Вадим спросил:

– Хозяин дома?

Тот повел бровью, с высоты крыльца глянул на него, ответил сквозь зубы:

– Дома.

– У нас к нему дело.

– Он скоро выйдет, тогда поговорите.

– Долго придется ждать? У нас нет времени.

– Я же сказал – скоро.

– Ладно. Подождем.

Они отошли в сторонку. Через полчаса отворились двери и появились молодые, богато одетые мужчина и женщина. По первому взгляду было видно, что перед ними молодожены. Но это был не тот купец!

– Пойдем, Оляпко, нам тут делать нечего, – обняв за плечи, повел друга прочь от терема Вадим. – Будем Олиславу искать в другом месте.

– Где? Теремов десятки. В каждый, что ли, заглядывать?

– Не знаю. Но надо что-то придумать.

– Выходит, хозяйка нас обманула? – задался вопросом Оляпко.

– Едва ли. Просто купец похитил Олиславу, спрятал ее в тереме и не решается на свадьбу, потому что она может сбежать.

– Пожалуй, ты прав. Сидит, горемычная, среди чужих людей и слезы льет. А мы бессильны помочь ей, потому что не знаем, где находится.

– Ладно, не причитай. Лучше подумай, как сыскать ее.

Они пошли по узким улочкам, кругами расположенным вокруг княжеского дворца. Идешь, идешь и снова попадаешь на прежнее место. Так строились почти все города в то время.

– Пойдем на торжище, может, нечаянно встретим этого купца, – предложил Оляпко. – Вдруг он там торгует?

– Едва ли! У него столько подручных, будет он сидеть в торговом ряду!

– Это верно. Но на всякий случай…

Обошли обширный рынок. Все напрасно.

– А если поспрашивать?

– Давай попробуем.

Обратились к первому попавшемуся торговцу:

– Нам надо знать, где живет один купец, – спрашивал Вадим. – Лет сорока с небольшим. Бородатый. Дородный. Богато одетый.

Тот рассмеялся.

– Вы знаете, сколько таких в Волине купцов? Бородатых, дородных и богато одетых!

– Глаза у него светлые. Синие, наверно.

– Да здесь у всех синие да голубые глаза, мы же славяне, а не греки или хазары какие-нибудь.

– Вспомнил! – оживился Вадим. – Носик у него такой маленький, аккуратненький. И губы бантиком, как у женщины.

– Да-а-а, примет не шибко много…

– И неженатый он! Это точно. Жены у него нет, он собирается играть свадьбу. Невесту себе привез из Колобжега!

– Это уже что-то… Постой, постой, кажись, я знаю такого. Вон видите тот терем, с красной черепицей? Там проживает купец Венд. У него пару лет назад умерла жена, оставила ему четверых детей. Может, он?

Они отошли, посовещались. Откладывать было нечего, решили идти сегодня же. Сбегали за конями. Стали совещаться, как будут действовать.

– Надо все делать быстро. Выводим из строя охрану, – торопливо говорил Вадим.

– Каким образом?

– Припугнем для начала. Не поможет, придется оглоушить. Ты остаешься снаружи, я проникаю внутрь…

– Один не справишься.

– Но и оставлять без наблюдения выход тоже нельзя. Запрут, обоим тогда не выбраться!

– Ты прав. Но как найдешь ее, терем большой, помещений много…

– Там увидим. Лишь бы удалось войти!

Возле дверей никого не оказалось. Вадим приоткрыл дубовую резную дверь, сунул голову в проем, обернулся, возбужденно блестя глазами, выдохнул:

– Никого!

– Давай! Я жду!

Вадим шагнул в дверь. Сквозь маленькие окна, закрытые слюдой, лился тусклый свет. В коридоре ходили люди. Никто не обратил на него внимания. Хозяева, как правило, живут на втором ярусе, туда вела лестница. Вадим торопливо взбежал по ней, увидел несколько дверей. Открыл первую – пусто. Вторая была заперта изнутри. Из-за угла вывернулся какой-то худощавый мужичишка, спросил гнусавым голосом:

– Тебе кого?

Вадим стукнул его кулачищем по голове, тот без звука опустился на пол. Дернул третью дверь – Олислава! Она испуганно отпрянула от него, вытянула вперед руки, будто защищаясь, прошептала испуганным голосом:

– Откуда ты?

Не говоря ни слова, перехватил ее за пояс и, точно волк зарезанную в стаде овцу, кинул себе на плечо и выскочил из светлицы. Навстречу пожилая, полная женщина, закричала:

– Ахти, разбойник! Ратуйте, люди!

Слуги забегали, несколько человек оказались на его пути. Он с ходу смел их, будто перышки, выскочил на улицу. Там, держа коней под уздцы, стоял Оляпко. Вадим вскинул Олиславу на коня, сам вскочил в седло сзади. Оляпко уже сидел в седле.

– И-эй, милые! – закричал он диким голосом, и они понеслись по улице. Люди шарахались, прижимались к стенам домов. Дело привычное, немало лихих конников, разгорячив коней, любили попугать жителей, порой давя и калеча неосторожных. Вот и эти юнцы решили позабавиться, что с ними поделаешь? Подрастут, остепенятся, а пока приходится терпеть. Так что никто не пытался их остановить, и они выскочили к крепостной башне. Ворота были открыты, охрана лениво прогуливалась рядом.

«Остановят или пропустят?» – металось в голове. И вдруг Вадима осенило. Он крикнул:

– Давай, ребята, с нами! Погуляем вволю!

Воины на некоторое время замешкались, вникая в суть его слов, а они за это время проскочили ворота и вырвались на простор. Только тут сзади послышался крик:

– Эй, держите! Ловите!

Вадим услышал, как скакавший сзади Оляпко как-то странно вскрикнул, то ли от охватившего его азарта, то ли по другой причине. Оглядываться было некогда, а главное, он слышал равномерный скок его коня, значит, все было в порядке.

Недалеко был лес, беглецы правили туда. Над ними сомкнулись кроны деревьев, они резко взяли вправо, запутывая следы. Наконец Вадим остановился, соскочил с коня.

Оляпко тяжело навалился на гриву коня, из его спины торчала стрела. Вадим кинулся к нему, стащил на землю. Друг был без сознания. Как только держался в седле?

Что было делать? Конечно, вынуть стрелу. Но если тащить ее за хвостовое оперение, то наконечником выдерешь все внутренности. Нет, вынимать надо по ходу движения стрелы.

– Быстрее сюда! – крикнул он Олиславе. – Помогай!

Она соскочила с коня, подбежала к нему. Вадим положил Оляпку грудью ей на колено, несколько мгновений прикидывал что-то в голове, потом решительно отломил оперение стрелы, отбросил в сторону. Затем, собрав силы, резко нажал на стрелу, вгоняя в тело Оляпки; острие ее вышло с другой стороны. Теперь надо было осторожно вытащить ее. Крепкими пальцами ухватив окровавленный металлический наконечник, стал медленно вытаскивать стрелу из груди. Оляпко слабо дышал, лицо было бледным, изо рта потекла струйка крови.

«Ничего, самое страшное позади, – думал Вадим. – Немного полежит, отойдет. Лишь бы погоня не обнаружила!»

Он с беспокойством стал вглядываться в чащу леса, но там было тихо.

– Принеси из моей седельной сумки чистые тряпки, – приказал он Олиславе.

Он перевязал рану Оляпки, уложил его на траву. И тут почувствовал страшную усталость, отошел в сторонку, руками оперся о дерево. Некоторое время постоял, собираясь с силами, прикидывая, что делать дальше. Конечно, долго задерживаться на этом месте было нельзя, рано или поздно их обнаружат. Но как ехать, когда у Оляпки такая тяжелая рана? Видно, придется просить кого-то из местных жителей взять его к себе, пока не выздоровеет. Деньги есть, уплатит щедро. Потом, через месяц-второй вернется, заберет с собой. Другого выхода нет. Ах, друг, друг, как же тебя угораздило?..

– Вадим, подойди скорее! – раздался испуганный голос Олиславы.

Вадим с трудом оторвался от своих дум.

– Что случилось?

– Оляпко, кажется, не дышит.

Вадим метнулся к другу, прижался ухом к груди и не услышал биения сердца. Взглянул в лицо. Оно было мертвецки-бледным, к уголкам рта с двух сторон протянулись белые полоски, следы смерти. Оляпко лежал каким-то чужим, отстраненным, словно знал что-то важное и значительное, чего было не ведомо ему, Вадиму. Он почувствовал, как защипало глаза, отвернулся, чтобы Олислава не видела его слез.

– Его надо похоронить, – словно издалека услышал ее голос. Встал, мечом стал рыть яму. Совсем недавно стали они друзьями, а будто прошли всю жизнь вместе, настолько стал для него Оляпко близким и родным. Умел находиться вроде бы в стороне, не мешал ни мыслям, ни делом, но в то же время оказывался рядом в нужный, подходящий момент. Вот и в этот раз никто не просил его поехать в Волин, а без него не смог бы он похитить Олиславу, его затея была бы обречена на провал. А теперь лежит бездыханный и никогда не встанет рядом с ним, Вадимом, не заступится, не защитит…

Вадим вырыл глубокую яму, вместе с Олиславой положили туда прах Оляпки, засыпали землей. Долго сидели молча.

Наконец Олислава сказала:

– Я вернусь в Волин.

– Почему? – спросил он безучастно.

– Там моя семья.

Он возразил:

– А разве мы – не семья?

– Нет. Нас не благословлял у капища жрец, мы не играли свадьбы.

– А с тем купцом у тебя все было?

– Да.

– Но тебя насильно родители отдали! Ты не хотела за него замуж! Разве не говорила мне об этом?

– Может, и так. Но я не возражала.

– Не возражала? Почему?

– Я всегда была привязана к отцу. Слушалась его советов и подчинялась беспрекословно. И знаешь, что он мне сказал?

Вадим молчал. Она продолжала:

– Он внушил, что я еще не знаю жизни, но с годами пойму, что страстная любовь длится только пять-шесть лет, богатство же – всю жизнь. Вот и выбирай сама, предложил он.

– И ты выбрала?

– Да, я предпочла богатство. Пожила с новым мужем немного, но уже поняла, что не ошиблась.

– Вон ты какая…

– Уж какая есть! Какая уродилась! Теперь не переделать! – в запальчивости вдруг выкрикнула она.

– Не ожидал… А я-то мчался, стремился. Думал, ждешь, тоскуешь, обрадуешься, на край света за мной пойдешь…

Он подошел к ней, взял за руки, стал глядеть в глаза. К нему стала возвращаться жизнь, теперь на первое место выходила она, а гибель Оляпки куда-то отступала, уходила вдаль. Это тотчас почувствовала Олислава, невольно сжалась, будто ожидая удара, мысли ее заметались, ища выхода. Она уже давно решила порвать все связи с ним, теперь ее решение только окрепло. Чутье ей подсказало, что единственный способ прогнать его – обидеть, может, даже оскорбить, вывести из себя; тогда он сам уйдет.

– Ну кто ты есть, чтобы с тобой на край света идти? – уже открыто стала издеваться она. – Ты моложе меня, еще сосунок. Куда тебя сдвинуть, туда ты и идешь. Невыдержанный, драчливый, самовлюбленный. А мне нужен сильный мужчина, чтобы мной командовал. Мне так больше нравится. А за душой у тебя что? Ничего! Ты гол как сокол!

– Неправда. Я заработал в Красногорье большие деньги. Я собирался заплатить твои долги!

– Мои долги! А знаешь, их сколько? Сколько надо средств, чтобы расплатиться за целое судно товара? А у мужа они есть, он рассчитается за меня!

– Но я хороший кузнец! Я буду день и ночь трудиться в кузнице. Я попрошу помочь отца. У меня двое братьев, они тоже не останутся в стороне!

– Слышала! Но и их денег не хватит! Да и будут ли они тебе помогать? У них у самих голодные рты, их кормить надо!

– Я в двинские леса уйду! Знаешь, сколько там промысловых зверей? Пушнины столько добуду, что завалю весь рынок в Новгороде, корабль найму и за границу увезу, там с руками отхватят. Сколько человек у нас сразу из грязи в князи выбились? Вчера были никем, а вернулись из полуночных краев и заделались богатыми и знатными. У нас в Новгороде, если ты стал зажиточным человеком, звание боярина дают! Поедем со мной, я тебя боярыней сделаю!

Он попытался обнять ее, но она стала отталкивать его, вгорячах выкрикивая:

– Это все сказки! Ты мне сказки рассказываешь, небылицами кормишь! Выйду за тебя замуж, в нужде и бедности всю жизнь проживу. Надо мне это? Я не хочу жить в лишениях и убожестве! Я пожила в роскоши со своим новым мужем и не хочу терять такую жизнь!

Вадим вдруг замер и некоторое время смотрел ей в лицо. Потом проговорил в сердцах:

– Ну и иди к своему мужу! Подумаешь, какая цаца выискалась!

Он круто повернулся и направился к коню. Потом остановился, бросил через плечо с ожесточением:

– Уходи прочь и не попадайся мне на глаза!

Он толкнул пятками коня и устремился в чащу леса. Его били по лицу ветви деревьев, он спотыкался о трухлявые пни, перескакивал через поваленные деревья, то спускался в овраги, то поднимался по крутым берегам, но ничего не видел; внутри его все кипело и бурлило. Ради кого преодолел такое расстояние, мчался, рвался, рисковал жизнью, потерял своего лучшего друга? Ради пустышки, никчемной женщины, в голове которой только деньги, богатство, сытая, обеспеченная жизнь! А как же любовь, признания, поцелуи, жаркие объятия? Выходит, все это пустое, никчемное, зряшное, которое ничего не стоит, которым можно пренебречь, на которое можно наплевать…

Потом его мысли потекли в другом направлении. Почему она его бросила? Почему предпочла этого купчишку? Значит, в нем, в его характере, есть какие-то изъяны, которые не нравятся женщинам. Как она сказала? Слишком юный? Сосунок? Но это дело поправимое, пройдут года, и он станет взрослым. Невыдержанный? Есть у него такое в характере, иногда не может управлять собой, особенно когда касается драки… Самовлюбленный? А кто себя не

любит? Но ради нее я был готов на все, даже на смерть. Я доказал это, пытаясь выручить ее из плена!

Из плена… Нет, этот плен она сама предпочла свободе. Предпочла ради роскоши. Значит, для женщин это главное – изобилие и великолепие. Вот это основное. Это надо иметь всегда в голове, в уме: для женщин самое важное, чтобы мужчина был богатым и влиятельным, тогда она пойдет за ним, даже не любя. Наплевать им на любовь, на страсти. Только мужчина способен на настоящую любовь и самопожертвование, от женщин их ждать нечего. Значит, надо так построить свою жизнь, чтобы добиться и богатства, и власти, и тогда все женщины будут у твоих ног. Важно сейчас, пока молодой, выбрать верную дорогу, чтобы добиться этого. Куда пойти, кем стать? Оставаться кузнецом нет смысла. Отец всю жизнь тюкал молотом, но так и остался бедняком, нужда никогда не покидала семью, хотя голода не испытывала, чему и радовалась. Соседи жили еще хуже… Но Вадиму такая жизнь не подходит. Можно больше заработать в море, но не столько, чтобы стать богатым и влиятельным. Притом там постоянно подстерегают опасности: то бури и ураганы, то морские разбойники. Можно легко сложить голову. К тому же все равно останешься в услужении, будешь зависеть от кого-то. А главное, никогда не сравняешься с купцами и боярами. Даже мечтать нечего. Так куда кинуться, чем заняться?

Остается один путь – наняться в промысловую партию, которые набирают купцы и бояре, и отправляться на долгие годы в леса. Он видел таких охотников, они помногу привозили пушнины, целые ворохи. Правда, не всем удавалось выбраться в состоятельные люди. Истосковавшись в диких чащобах по нормальной жизни, они, прибыв в Новгород, кидались в длительный загул, за бесценок спускали все добытое и нищими снова отправлялись в леса… Но он, Вадим, не станет увлекаться хмельным, его вообще к нему не тянет. Он вернется с пушным богатством, заведет свою торговую лавку, а может, даже объединится с каким-нибудь купцом и отправится в дальние страны, где пушнина на вес золота. Так он станет состоятельным и уважаемым человеком, тогда покажет Олиславе, чего он стоит. Она еще пожалеет, что ушла к нему, к этому купчишке…

Еще лучше – создать промысловую артель и уйти с ней в леса хозяином. Тогда все добытое будет твоим. Но для этого нужны большие средства. Следует купить лошадей, продукты питания, орудия охоты на всех, доставить на место промысла, может, построить избушки, потом в течение всего сезона снабжать людей всем необходимым, снаряжая в леса все новые и новые обозы… Нет, это ему не под силу. Можно, конечно, сорганизовать друзей на неделю-другую со всем своим. Но что за это время возьмешь? К тому же в окружающих лесах ценный зверь давно выбит, бегают волки с зайцами… Нет, остается прямой путь в промысловую ватажку, по возвращении в Новгород он так и сделает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.